

Observatoire ARGA

Отчёт по санкциям и комплаенсу за 2025 год

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ЭПОХУ SMART REGULATION

**Санкционная Архитектура, Экспортный Контроль,
Цифровое Управление Рисками и Новая Глобальная
Нормативность**

Автор:

Сергей Храбрых — президент ARGA, PhD

Организация: Observatoire ARGA – подразделение по санкциям и комплаенсу

Адрес для корреспонденции: 14 rue Jacques Laffitte, Байонна, 64100

Контакты: info@argaobservatory.org

Париж, 15 ноября 2025

Оглавление

Резюме.....	3
1. Методология.....	4
2. Введение: новая эпоха международного регулирования	5
3. Архитектура Smart Regulation.....	6
3.1. Санкционное право как ядро новой нормативности	6
3.2. Экспортный контроль и Dual-Use Regulation.....	6
3.3. AML/CFT как универсальная правовая платформа.....	7
3.4. Цифровое регулирование.....	8
3.5. Трансграничный правовой комплаенс	8
4. География Smart Regulation.....	9
4.1. Европейский Союз — главный генератор глобальной нормативности	9
4.2. США — санкционная и финансовая операционная платформа мира.....	10
4.3. Великобритания — центр global due diligence и санкционных инноваций	10
4.4. Азия (Сингапур, Южная Корея, Япония) — технологическая ось Smart Regulation.....	10
5. Case Studies	11
Case 1 — Санкции + экспортный контроль + AML → единая контурная система давления.....	11
Case 2 — Алгоритмическое наблюдение и цифровая инфраструктура контроля	11
Case 3 — Экстерриториальное давление и санкционная проекция суверенитета	12
6. Глобальные последствия.....	13
7. Прогноз 2025–2030	14
8. Рекомендации ARGAs Observatory.....	17
9. Заключение	19
Источники.....	20

Резюме

Международное право вступает в новую эпоху — эпоху *Smart Regulation*, где регулирование перестаёт быть реактивным и становится превентивным, адаптивным, цифровым и многослойным.

Классическая модель международного права опиралась на:

- государственный суверенитет,
- конвенции и договоры,
- медленные механизмы ратификации и применения.

Однако за период 2014–2025 гг. на смену этой модели пришла новая регуляторная среда, основанная на динамической нормотворческой способности, цифровом мониторинге, гибридной юридико-санкционной архитектуре и алгоритмическом управлении рисками.

Smart Regulation не заменяет международное право — она становится его цифровым надстроечным уровнем, который способен:

- блокировать транзакции без суда,
- останавливать международные сделки за секунды,
- автоматически идентифицировать риск-акторы,
- ограничивать доступ к финансированию без уголовного процесса,
- управлять экспортом технологий и двойного назначения на основе AI-аналитики,
- формировать новые нормы быстрее, чем происходят юридические реформы.

Санкционные списки, AML-режимы, экспортный контроль, *due diligence*, криптоконтроль, ESG-GPU-комплаенс и трансграничные регуляторные фильтры стали не просто юридическими инструментами — они превратились в нормативные центры силы, которые способны влиять на государства, корпорации и отдельных акторов сильнее, чем традиционные механизмы международного права.

Эта система формирует новый тип глобального правопорядка, где источниками норм становятся не только государства, но и:

- международные регуляторы (OFAC, EU Sanctions Authority, BIS, FinCEN),
- стандарты FATF и OECD,
- цифровые платформы,
- финансовые сети и криптоинфраструктура,
- транснациональные корпорации и банки,
- нейросетевые алгоритмы оценки риска.

Доклад ARGAs Observatory системно описывает трансформацию международного права в рамках *Smart Regulation*, анализирует новую структуру санкционной архитектуры, механизмов экспортного контроля, цифрового мониторинга капиталов, криптовалютных операций и цепочек поставок, а также прогнозирует направления развития глобального регулирования до 2030 года.

Особое внимание уделено:

- эволюции международного права от treaty-law к risk-law,
- созданию многоуровневой цифровой нормативности,
- новым режимам транснационального контроля,
- расширению роли частных регуляторов и финансовых институтов,
- смещению баланса между правом и алгоритмом.

Smart Regulation становится центральной рамкой будущего мировой политики и экономики.

Доклад фиксирует момент перехода — и описывает архитектуру мира, где нормы создаются быстрее, чем их успевают ратифицировать.

1. Методология

Доклад основан на многокомпонентной исследовательской модели, сочетающей юридический анализ, компаративное правоведение, анализ санкционных механизмов и цифровых регуляторных инструментов. Методологическая база включает:

- анализ норм международного и наднационального права (UN Charter, UNCAC, UN Sanctions Framework, OECD standards, EU acquis), а также специализированных регуляторных актов США, Великобритании и ЕС в сфере санкций, экспортного контроля и финансового комплаенса;
- изучение санкционной документации Европейского союза, OFAC/US Treasury, HM Treasury UK, BIS и лицензированных механизмов обхода/блокировки экспортных операций;
- мониторинг цифровых нормативных режимов — MiCA (Markets in Crypto-Assets), DORA (Digital Operational Resilience Act), NIS2 (Network and Information Security Directive), EU AI Act — с последующим сопоставлением правоприменения;
- анализ трансграничных правоохранительных операций Interpol, Europol, Eurojust, FIU (Financial Intelligence Units), в том числе по криптовалютным потокам, нарушению экспортного контроля и санкционных режимов;
- компаративное исследование правовых систем ЕС, США, Великобритании и азиатских юрисдикций (ОАЭ, Китай, Сингапур, Гонконг, Южная Корея) с акцентом на Smart Regulation и цифровое правоприменение;
- полевые исследования ARGAS Observatory, включая изучение кейсов санкционной архитектуры, цифровой криминологии, AML/CFT-механизмов, due diligence трансграничных поставок и практики международных финансовых расследований.
- экспертные интервью и закрытые профессиональные консультации с юристами по санкциям, специалистами AML/CTF, бывшими сотрудниками регуляторов, криптоаналитиками, а также ключевыми участниками индустрии due diligence и экспортного контроля.

Методология ориентирована на построение аналитической модели Smart Regulation — системы, в которой право, санкционная политика, цифровые механизмы и международные рынки образуют единую архитектуру управления.

2. Введение: новая эпоха международного регулирования

Международное право вступает в этап глубокой трансформации, которую многие исследователи уже называют переходом от классической нормативной модели к режиму Smart Regulation — системе, где правовые решения формируются не только в результате политических договорённостей, но и через цифровую аналитику, санкционную математику, экономические коэффициенты рисков и алгоритмическое регулирование.

Если в XX веке международное право опиралось на договоры, судебные механизмы и дипломатические процессы, то с 2014–2024 годов оно стало функционировать как динамичная цифрово-санкционная архитектура, внутри которой нормы права не зафиксированы раз и навсегда, а обновляются в реальном времени в зависимости от угроз безопасности, потоков капитала, финансовых транзакций, экспорта критических технологий и данных разведывательных структур.

Современное международное регулирование становится одновременно:

- цифровым, поскольку нормативность встроена в системы мониторинга, дата-аналитики и AI-driven комплаенса;
- интегрированным, поскольку санкции, AML, киберправо, торговое регулирование и права человека функционируют как взаимосвязанные модули;
- санкционно-финансовым, так как доступ к капиталу, SWIFT, криптовалютным биржам, семикондикторам и технологиям стал рычагом геополитической власти;
- динамическим, поскольку правила изменяются не годами, а неделями — под влиянием новых рисков;
- основанным на риск-аналитике, где ключевым юридическим критерием становится не факт нарушения, а вероятность ущерба, связанная с государством, организацией или технологией.

Таким образом, глобальное регулирование переходит от модели *postfactum punishment* к модели *predictive governance*, где правоприменение строится на оценке вероятных угроз, транзакционных трассировок, цифровых поведенческих сигналов и автономных алгоритмов контроля поставок.

Доклад ARGAs Observatory рассматривает Smart Regulation как новый уровень эволюции международного права — не замену существующим нормам, а **надстройку**, которая превращает право в инфраструктуру глобального управления рисками.

3. Архитектура Smart Regulation

ARGA Observatory выделяет пять ключевых блоков, которые в совокупности формируют новую архитектуру международного регулирования. Каждый из них — это не просто набор норм, а самостоятельный контур власти и управления рисками, тесно интегрированный с остальными.

3.1. Санкционное право как ядро новой нормативности

Санкции перестали быть исключительно инструментом внешней политики и превратились в центральный модуль глобальной правовой системы.

— Интеграция санкций в комплаенс. Санкционные списки, отраслевые запреты, ограничения на услуги и технологии встроены в ежедневную работу банков, финтеха, транспортных компаний, страховых, логистических и IT-структур. Для корпораций санкционное право фактически становится “надзаконным” слоем: даже при формальном отсутствии запрета в национальной юрисдикции санкционные риски заставляют отказываться от сделок, активов и партнёров.

— Вторичные санкции. Режим *secondary sanctions* делает санкционную архитектуру по-настоящему глобальной: государства и компании третьих стран вынуждены учитывать требования США, ЕС или Великобритании, даже если формально не подчиняются их праву. Это формирует экстерриториальную нормативность, когда риск потери доступа к долларовой системе, SWIFT или рынку ЕС пересиливает любые национальные интересы.

— Контроль посредников третьих стран. Smart Regulation всё больше концентрируется не на конечном адресате (страна под санкциями), а на цепочке посредников — ОАЭ, Турция, Кавказ, Центральная Азия, Балканы, юрисдикции Юго-Восточной Азии. На уровне права это выражается в специальных реестрах *high-risk* посредников, отраслевых “чёрных списках” логистических и торговых операторов, усиленном *due diligence* к *re-export* и *parallel import*.

— Санкции как инструмент правового давления. Санкционные меры всё чаще используются не только для реагирования на агрессию или массовые нарушения прав человека, но и как точечный инструмент давления в сферах энергетики, технологий, военной промышленности, кибербезопасности. Санкции становятся функциональным аналогом “быстрой поправки к международному праву”: через санкционные регламенты оперативно вводятся ограничения, которые потом ретранслируются в корпоративные политики, банковский комплаенс и судебную практику.

3.2. Экспортный контроль и Dual-Use Regulation

Второй блок Smart Regulation — это система контроля за товарами и технологиями двойного назначения, которая превращается в ключевой слой регулирования геоэкономики.

— Контроль технологий ИИ и криптографии. Классический контроль за ракетной, ядерной и военной продукцией дополняется регулированием алгоритмов, моделей искусственного интеллекта, средств шифрования и киберинфраструктуры. Ограничения распространяются не только на “железо”, но и на софт, облачные сервисы, API-доступ и передачу ноу-хау. Экспортный контроль начинает работать как фильтр доступа к цифровому суверенитету.

— Ограничения в сфере чипов и электроники. Полупроводники, станки, высокоточная электроника, компоненты для телекоммуникаций и БПЛА становятся объектом комплексного контроля: вводятся квоты, лицензии, предельные параметры мощностей, запреты на поставку определённым конечным пользователям. Это превращает экспортный контроль в архитектора технологических и военных балансов, а не только в инструмент классической безопасности.

— Контроль трансграничных цепочек поставок. Модель “одна страна — один экспортёр” заменена на сетевой подход: оцениваются логистические маршруты, звенья re-export, роль дистрибьюторов, складских хабов, интеграторов. Smart Regulation смотрит на цепочку целиком: кто производит, кто перепаковывает, кто страхует, кто перевозит, кто финансирует и кто заявлен конечным пользователем.

— Цифровые инструменты отслеживания товаров. В систему экспортного контроля всё активнее интегрируются цифровые трекеры, базы данных по серийным номерам, сквозная маркировка, blockchain-решения для supply chain, алгоритмы анализа таможенных данных. Право начинает работать через data-infrastructure: решение о риске принимается не только юристом, но и алгоритмом, сопоставляющим десятки источников.

3.3. AML/CFT как универсальная правовая платформа

Третий блок — антиотмывочное и антитеррористическое финансирование (AML/CFT) — превращается в “универсальный язык” международного регулирования.

— Борьба с отмыванием как общий знаменатель. Независимо от политического контекста, AML-нормы дают возможность блокировать счета, ограничивать транзакции, требовать отчёты о происхождении средств и бенефициарах. Фактически AML-режим становится минимальным консенсусом между государствами, не согласными в политике, но согласными в необходимости борьбы с “грязными деньгами”.

— Risk-based approach. Переход от формального соблюдения правил к оценке риска означает, что банки и финтех действуют как квазирегуляторы: они сами оценивают страновой, отраслевой, клиентский и транзакционный риск, а юридическая ответственность переносится на управленческие решения комплаенса. Международное право тем самым делегирует значительную часть своих функций частным игрокам.

— Travel Rule и прослеживаемость транзакций. Внедрение Travel Rule и аналогичных механизмов для криптоактивов делает движение средств прозрачным в глобальном масштабе: информация о плательщике и получателе сопровождает транзакцию от банка к банку, от биржи к бирже. Это позволяет связывать AML, санкционный контроль и борьбу с финансированием терроризма в единую цифровую систему.

— Интеграция FIU разных стран. Подразделения финансовой разведки (FIU) становятся ключевыми акторами Smart Regulation: они обмениваются данными, формируют совокупные рисковые профили, инициируют заморозки, направляют сигналы банкам и регуляторам. В результате возникает транснациональное поле финансовой разведки, где национальные границы постепенно теряют значение.

3.4. Цифровое регулирование

Четвёртый блок — цифровое регулирование, в первую очередь европейское (AI Act, MiCA, DORA, NIS2), которое задаёт стандарт для глобальной архитектуры.

— AI Act. Регулирование искусственного интеллекта вводит категорию “рископрофилей систем”: правовые требования зависят от уровня риска для прав человека, безопасности и демократии. Запрещённые, высокорисковые и ограниченные по функциям системы ИИ регулируются по-разному, что превращает международное право в матричную систему управления технологиями, а не статичный кодекс запретов.

— MiCA. Регламент по криптоактивам формирует первую комплексную правовую рамку для стейблкоинов, криптопровайдеров и бирж. Это связывает цифровые активы с традиционной финансовой системой и включает их в зону санкционного, AML- и надзорного регулирования.

— DORA. Режим цифровой операционной устойчивости финансового сектора закрепляет, что киберустойчивость, управление инцидентами, тестирование и контроль провайдеров ИКТ — не техническая опция, а правовая обязанность, за невыполнение которой наступают санкции.

— NIS2. Обновлённая директива по сетевой и информационной безопасности расширяет перечень “существенных” и “важных” операторов, фактически превращая кибербезопасность в обязательный элемент корпоративной ответственности.

— Трансформация корпоративного и финансового права. В совокупности эти акты делают так, что ключевые элементы управления — IT-инфраструктура, ИИ-системы, обработка данных, криптоактивы — становятся предметом прямого правового регулирования, а не только корпоративной политики. Право “встраивается” в код, архитектуру систем и бизнес-процессы.

3.5. Трансграничный правовой комплаенс

Пятый блок — трансграничный комплаенс и smart due diligence, которые превращают корпорации и финансовые институты в активных носителей международного права.

— Smart due diligence. Проверка контрагентов, бенефициаров, цепочек поставок и источников средств всё чаще осуществляется с использованием алгоритмических систем анализа, OSINT/FININT, ESG-параметров, правозащитных рисков. Это уже не только юридическая проверка, но и “оценка соответствия глобальной нормативности”, включая санкции, права человека, устойчивое развитие и климатические риски.

— Контроль бенефициаров. Требования по раскрытию конечных владельцев, бенефициарных структур, трастов, SPV и офшоров означают, что анонимное владение крупными активами становится всё менее возможным. В результате формируется сквозная карта собственности, позволяющая государствам и регуляторам следить за движением капитала и контролировать рискованные группы.

— Мониторинг ESG и прав человека. Smart Regulation всё активнее включает Human Rights Due Diligence, оценку рисков принудительного труда, коррумпированности контрагентов, участия в репрессиях, военных преступлениях и экологических нарушениях. Это приводит к тому, что крупные корпорации становятся не только объектами права, но и его проводниками: они вынуждены отказываться от партнёров и проектов, которые создают высокие правозащитные риски.

— Влияние на международные суды. Международные судебные и квазисудебные органы (ЕС, ЕСПЧ, арбитражи, трибуналы) всё чаще опираются на данные санкционных режимов, экспортного контроля, AML-решений и цифрового регулирования. Это меняет саму логику правосудия: судебная практика перерабатывает и легитимирует элементы Smart Regulation, встраивая их в корпус международного права.

4. География Smart Regulation

Глобальная система Smart Regulation не развивается равномерно — у неё есть центры производства норм, юрисдикции-мультипликаторы, экспортёры правовых стандартов и регионы-получатели. В 2020-е годы наибольшую нормативную мощь демонстрируют четыре макрорегиона, каждый из которых формирует свою модель цифрово-санкционного регулирования. Вместе они определяют логику трансграничного права, международного комплаенса и перераспределения суверенитета.

4.1. Европейский Союз — главный генератор глобальной нормативности

ЕС в 2023–2025 гг. стал центральной фабрикой Smart Regulation, формируя правовые модели, которые затем масштабируются далеко за пределы европейских границ.

- EU AI Act задаёт систему риск-категорий для искусственного интеллекта и фактически превращается в мировую матрицу регулирования алгоритмов.
- MiCA вводит первую комплексную правовую архитектуру для криптоактивов, стейблкоинов и провайдеров услуг.
- NIS2 и DORA создают режим цифровой безопасности и операционной устойчивости, обязательный для банков, финтеха, телеком-операторов, критической инфраструктуры.
- ESG/HRDD-нормы делают защиту прав человека юридически измеримым элементом глобальных поставок и инвестиций.

ЕС действует как экспортёр права: корпорации в Латинской Америке, Африке, Ближнем Востоке и Азии адаптируют процессы не ради рынка, а ради соответствия европейским требованиям. Это превращает Евросоюз в ядро мировой нормативной экосистемы.

4.2. США — санкционная и финансовая операционная платформа мира

Если ЕС производит нормы, то США обеспечивают силу их исполнения — санкционного, долларового, банковского.

- OFAC формирует каркас глобальной санкционной архитектуры, включая secondary sanctions, которые заставляют подчиняться компании вне США.
- FinCEN задаёт стандарты AML/CFT, внедряет Travel Rule, обеспечивает аналитическую разведку цифровых транзакций.
- Контроль экспортных технологий (CHIPS Act, Bureau of Industry and Security) определяет доступ к передовым чипам, ИИ, криптографии.
- Судебная практика по FCPA (Foreign Corrupt Practices Act) превращает США в центр уголовно-финансового преследования транснациональных корпораций.

Американская модель опирается на доллар как инструмент права. Доступ к долларовой инфраструктуре становится равноценным соблюдению международных норм, а потеря такого доступа — юридической санкции.

4.3. Великобритания — центр global due diligence и санкционных инноваций

После Brexit Великобритания выстроила гибридную модель Smart Regulation, совмещающую свободу правовой инженерии и жёсткие санкционные инструменты.

- UK Sanctions Act позволяет быстро замораживать активы, расширять списки и действовать автономно от ЕС и США.
- Великобритания — глобальный лидер в корпоративном due diligence: Лондон определяет стандарты проверки бенефициаров, SPV, трастов.
- Английское право стало ключевым механизмом разрешения трансграничных споров, включая санкционные.

UK играет роль мостовой юрисдикции, соединяющей американскую санкционную силу и европейскую нормативную плотность. Судебные механизмы Лондона превращают Smart Regulation в применимое право, а не в декларацию.

4.4. Азия (Сингапур, Южная Корея, Япония) — технологическая ось Smart Regulation

Азиатские экономики формируют параллельный центр нормы, в котором Smart Regulation развивается вокруг технологической безопасности и экспортного контроля.

- Сингапур — модель risk-based AML-регулирования, крипто-надзора и финтех-комплаенса.
- Южная Корея развивает контроль полупроводников, телеком-технологий и военной электроники.
- Япония сочетает высокоточные экспортные стандарты с мягкой санкционной политикой, создавая гибридный нормативный режим.

Азия — ключевой узел Smart Regulation в сфере dual-use технологий и цифровой безопасности. Она действует как параллельный центр стандартизации, конкурируя с ЕС и США за формирование регуляторной логики искусственного интеллекта и криптоэкономики.

5. Case Studies

Smart Regulation проявляется не в декларациях, а в том, как санкции, экспортный контроль, AML, цифровое регулирование и правовые механизмы работают одновременно, формируя новую архитектуру принуждения. Ниже — три модельных кейса, отражающих эту трансформацию.

Case 1 — Санкции + экспортный контроль + AML → единая контурная система давления

Сценарий:

Европейская компания А поставляет промышленное оборудование и чипы в Азию, где конечным покупателем выступает трейдер, связанный с параллельным импортом в санкционную юрисдикцию. USDT-расчёты, офшорные складские хабы и номинальные трейдеры используются для маскировки маршрута.

Как Smart Regulation реагирует:

1. Экспортный контроль фиксирует dual-use позицию микропроцессоров (BIS + EU Dual Use Regulation).
2. AML/FinCEN выявляет подозрительный маршрут транзакций — криптовалютный off-ramp, связанный с high-risk jurisdiction.
3. Санкционные списки (OFAC + EU RESTRICTIVE MEASURES) определяют high-risk end-user → поставка блокируется.
4. Финансовые институты замораживают платежи в рамках enhanced due diligence.
5. Интерпол и FIU получают запросы о проверке цепочки.

Результат:

Компания лишается доступа к иностранным рынкам, активы замораживаются, контракты прекращаются. Один кейс активирует сразу три контролирующие вертикали — санкционную, экспортную и AML — в единой логике Smart Regulation.

Case 2 — Алгоритмическое наблюдение и цифровая инфраструктура контроля

Сценарий:

Глобальный производитель электроники внедряет AI-мониторинг supply-chain, используя базы таможенных данных и платформенные API. Алгоритм автоматически определяет:

- аномальные транзитные маршруты (ОАЭ → Кавказ → ЕАЭС),
- резкие изменения объёмов поставок,
- разрыв между ценой закупки и экспортной декларацией,
- USDT-связанные платежи вне банковского сектора.

Как работает Smart Regulation:

1. AI Act задаёт рамки для автономного risk-scoring алгоритмов.
2. MiCA → AML Travel Rule даёт юридическую основу мониторинга криптооператоров.
3. DORA + NIS2 требуют непрерывного контроля supply-chain как критической инфраструктуры.
4. Данные передаются в FIU и Europol → запускается cross-border compliance review.

Результат:

Платформа создаёт self-executing compliance: санкционный контроль происходит без участия государства — в коде. Это и есть Smart Regulation → право работает как алгоритм.

Case 3 — Экстерриториальное давление и санкционная проекция суверенитета

Сценарий:

Группа европейских банков обслуживает импорт из Центральной Азии, где товар официально не под санкциями, но конечный бенефициар связан с российским энергетическим холдингом.

Как Smart Regulation действует экстерриториально:

1. Вторичные санкции OFAC → банки ЕС блокируют операции, опасаясь потери долларového клиринга.
2. Финансовые регуляторы требуют enhanced due diligence + доказательств отсутствия участия санкционного бенефициара.
3. Сделки приостанавливаются, активы контрагентов замораживаются.
4. Компания переносит платежи в криптовалюту → попадает в AML watchlist.
5. FIU и Europol формируют досье → риск-профиль компании становится “high-exposure”.

Результат:

Даже без юридического запрета компания фактически исключена с рынка — Smart Regulation работает как инструмент экономической селекции.

6. Глобальные последствия

Формирование новой нормативной архитектуры приводит не просто к изменению инструментов контроля, а к перестройке самого принципа действия международного права. Санкции, финансовый комплаенс, export control-регулирование и цифровой due diligence превращают право из статичной нормы в динамическую систему, реагирующую на события в реальном времени. Ниже — ключевые структурные эффекты.

1. Сближение международного и корпоративного права

Если в XX веке международное право существовало отдельно от корпоративного, сегодня их границы исчезают.

Транснациональные компании, банки, фондовые биржи, финтех-операторы и даже технологические платформы получили фактическую регуляторную субъектность: они обязаны применять санкционное право, export control, AML, KYC, Travel Rule, ESG-обязательства и алгоритмические модели риска.

- Закон больше не выполняется только государствами — его выполняют алгоритмы, платежные системы, частные банки и технологические корпорации.
- Международное регулирование становится распределённым, не зависящим от политической воли отдельных стран.

Это означает переход от государственно-центристской модели международного права → к многоузловой корпоративно-нормативной системе.

2. Снижение роли классического международного права

Традиционный механизм — договор → ратификация → исполнение — уступает место модели:

санкции → финансовая блокировка → мгновенная правоприменимость.

- Решение OFAC или ЕС имеет силу быстрее и ощутимее, чем резолюции ООН.
- Международное право, построенное на консенсусе государств, проигрывает праву, встроенному в транзакционные системы.
- Делегирование enforcement частным структурам сокращает время между нормой и результатом с лет → до часов.

Таким образом, Smart Regulation создаёт право, которое исполняет само себя.

3. Формирование глобальной системы цифрового мониторинга

Контроль перемещается с уровня законодательства на уровень данных.

- транзакции наблюдаются FIU в реальном времени,
- поставки отслеживаются AI через таможенные базы, IoT-логистику и блокчейн,

- криптовалютный оборот анализируется on-chain инструментариями,
- цепочки собственности мэпятся через корпоративные реестры.

Глобальный мониторинг строится вокруг принципа

«риск = регуляторное действие», а не «нарушение → реакция».

Система реагирует превентивно — блокируя сделки, счета и экспорт ещё до фактического нарушения закона.

4. Укрепление санкций как универсального механизма давления

Санкции становятся политико-экономическим эквивалентом военной силы:

- ограничивают доступ к технологиям и финансам,
- изменяют корпоративные стратегии,
- перераспределяют капитал и торговые маршруты,
- стимулируют реорганизацию логистики и цифровых расчётов.

Smart Regulation делает санкции автоматическими и масштабируемыми:

банки и финтех-операторы применяют их без внешней команды, опираясь на risk-score, AI-фильтрацию и перекрёстные базы данных OFAC–EU–FinCEN–FIU.

5. Усложнение юридической среды и рост порога комплаенса

Компании больше не работают только с одной национальной системой.

Любая трансграничная операция проходит одновременно:

- санкционный фильтр,
- экспортный контроль,
- AML/KYC процедурность,
- крипто-и цифровой мониторинг,
- ESG/Human-Rights-due-diligence.

Количество нормативных контуров растёт, а ошибки комплаенса становятся равнозначны уголовным рискам. Это означает, что международное право вступает в фазу: high-friction regulation — высокой юридической сложности, высокой скорости исполнения и высокой цене несоблюдения.

7. Прогноз 2025–2030

1. Формирование глобального цифрового регулятора

В период 2025–2030 годов можно ожидать постепенного формирования де-факто глобального цифрового регулятора — не в виде одной новой организации, а как связанной системы площадок: санкционные регистры (OFAC, EU listings, UK HMT),

глобальные AML-платформы, экспортный контроль, KYC/EDD-провайдеры, платежные сети и криптоаналитические сервисы.

Интеграция данных санкций, подозрительных транзакций, цепочек поставок, бенефициарного владения и цифровых активов приведёт к тому, что любое значимое экономическое действие — от открытия счёта до сделки M&A — будет проходить через единый мультиуровневый risk-screening.

На практике это создаст “виртуальный наднациональный регулятор”, который не нуждается в политическом мандате, потому что его решения реализуются через отказ в транзакции, блокировку доступа к инфраструктуре или автоматический комплаенс-фильтр.

2. Глобальные «чёрные списки» посредников

С учётом роста обходных схем, параллельного импорта, санкционных посредников и серых логистических хабов, к 2030 году вероятно появление глобальных consolidated lists не только по лицам и компаниям, но и по:

- брокерам,
- логистическим операторам,
- финтех-посредникам,
- крипто- и ОТС-платформам,

которые системно участвуют в нарушении санкций, экспортного контроля и AML-стандартов.

Эти списки будут использоваться банками, страховщиками, логистическими корпорациями и BigTech как стандартная часть due diligence. Фактическое включение в такой «registry of high-risk intermediaries» будет означать регуляторную смерть: потерю доступа к банковским услугам, страхованию, лицензиям, торговым платформам и международным рынкам.

3. Интеграция AI в международное право

В 2025–2030 годах искусственный интеллект перестанет быть просто вспомогательным комплаенс-инструментом и станет структурным элементом правоприменения.

AI-модели будут:

- анализировать цепочки поставок и транзакций;
- моделировать санкционные и экспортно-контрольные риски;
- выявлять паттерны обхода, crypto-mixing, nested-структуры и trade-based money laundering;
- выдавать регуляторные сигналы, на основе которых банки и регуляторы будут принимать решения.

Это приведёт к появлению “algorithmic due diligence” и частично — “algorithmic enforcement”, когда основанием для отказа в сделке или блокировки станет не суд и не

регуляторное письмо, а результат AI-оценки риска. В ответ последует новая волна дискуссий: допустимость автоматизированных решений, прозрачность моделей, возможность их обжалования, соотношение «чёрных ящиков» AI со стандартами справедливого разбирательства и прав человека.

4. Ужесточение требований к компаниям и физическим лицам

Корпорации будут вынуждены строить многоуровневые системы соответствия: санкционное право, экспортный контроль, AML/CFT, ESG, digital compliance, AI governance.

Ожидается:

- рост значимости персональной ответственности директоров и beneficial owners за нарушения;
- расширение требований к раскрытию структуры владения, источников благосостояния и участия в высокорисковых юрисдикциях;
- трансформация личного финансового профиля (high-net-worth individuals, политически значимые лица, владельцы криптоактивов) в объект постоянного регуляторного мониторинга.

Для физических лиц, особенно связанных с высокорисковыми странами, секторами или цифровыми активами, это будет означать снижение анонимности и рост порога доступа к глобальным финансовым и инвестиционным сервисам. Для компаний — постоянную необходимость встроить юридическую экспертизу и комплаенс в стратегическое управление, а не только в операционный контур.

5. Унификация международных механизмов по защите прав человека

Параллельно с усилением Smart Regulation неизбежно усилится и контрдвижение по защите прав человека и прав субъектов данных. К 2030 году можно ожидать:

- более тесной координации между ЕСПЧ, судами ЕС, органами ООН, региональными механизмами (OAS, AU, CoE) по делам, связанным с санкциями, экстрадицией, цифровыми ограничениями и блокировкой активов;
- развития стандартов “human rights due diligence” не только для корпораций, но и для регуляторов и международных организаций;
- появления прецедентной практики по оспариванию алгоритмических и санкционно-финансовых решений как нарушающих право на справедливое разбирательство, частную жизнь или недискриминацию.

В долгосрочной перспективе это приведёт к формированию новой “цифрово-санкционной ветви международного права прав человека”, где предметом защиты будут не только классические свободы, но и:

- право на доступ к финансовой инфраструктуре при отсутствии доказуемых нарушений;
- право на пересмотр автоматизированных регуляторных решений;

- защита от произвольного использования санкций, AML и экспортного контроля как инструмента политического или корпоративного давления.

8. Рекомендации ARGA Observatory

Международным институтам

Международным организациям (ООН, Совет Европы, ОЭСР, Всемирный банк, FATF и профильным региональным структурам) необходимо перейти от фрагментарного регулирования к выработке общих, согласованных стандартов Smart Regulation. Речь идёт не только о санкциях, AML и экспортном контроле, но и о цифровой безопасности, управлении данными, ответственности за алгоритмические решения и правовой защите субъектов, затронутых этими механизмами. Требуется создание рамочных принципов, которые задавали бы минимальные стандарты прозрачности, обоснованности и проверяемости регуляторных действий в цифровой среде, включая санкционные листинги, блокировку активов, автоматизированный риск-анализ и трансграничный обмен данными.

Ключевым шагом должна стать интеграция данных в единые, совместимые платформы с чётко определёнными правилами доступа, валидации информации и оспаривания ошибочных записей. Отдельной задачей является создание технических и правовых стандартов для сопряжения санкционных регистров, экспортно-контрольных систем, AML-платформ, реестров бенефициарных владельцев и криптоаналитических инструментов. Это позволит снизить уровень дублирования, противоречий и произвольного толкования информации, а также уменьшить риск того, что одни и те же данные используются по-разному в разных юрисдикциях.

Наконец, международным институтам следует инициировать разработку глобальных индексов рисков Smart Regulation — интегральных показателей, отражающих уровень санкционной, экспортно-контрольной, AML- и цифровой уязвимости той или иной юрисдикции. Такие индексы должны учитывать не только формальное наличие норм, но и практику их применения, наличие злоупотреблений, степень политизации регуляторных решений и качество механизмов обжалования. Это позволит финансовым рынкам, корпорациям и правозащитным структурам опираться на более объективную и сопоставимую картину регуляторных рисков.

Регуляторам ЕС, США и Азии

Регуляторам ведущих экономических центров — прежде всего ЕС, США, Великобритании, Сингапура, Японии, Южной Кореи — необходимо целенаправленно формировать единую, согласованную систему цифрового контроля, основанную на взаимном признании стандартов и минимальных требований. Речь идёт о постепенном сближении подходов к санкциям, экспортному контролю, AML/CFT, регулированию криптоактивов, управлению ИИ и кибербезопасности, чтобы снизить пространство для арбитража и обхода правил через «регуляторные лакуны».

Важным элементом станет развитие санкционно-цифровой аналитики: создание и поддержание специализированных систем, способных в режиме близком к реальному времени выявлять связи между санкционными лицами, цепочками поставок,

финансовыми транзакциями, цифровыми активами и высокорисковыми посредниками. Регуляторы должны не только публиковать списки санкций, но и развивать инфраструктуру аналитических инструментов, позволяющих банкам, корпорациям и национальным надзорным органам оценивать комплексный риск с учётом многоуровневых цифровых данных.

Одновременно необходимо ужесточать *due diligence*, но не только количественно, а качественно. Это означает переход от формального «tick-box compliance» к риск-ориентированным моделям, в которых:

- оценивается не только страна происхождения и отрасль, но и участие в обходных схемах, использование криптоинструментов, роль в цепочках поставок и цифровой инфраструктуре;
- вводятся дополнительные требования к прозрачности бенефициарного владения и источников средств для *high-risk* субъектов;
- разрабатываются специальные протоколы проверки запросов из юрисдикций с высоким уровнем политизации санкций, уголовного преследования и *Interpol Abuse*.

Регуляторам важно одновременно усиливать контроль и выстраивать гарантии от перегибов: предусматривать процедуры пересмотра решений, защиты добросовестных участников и предотвращения дискриминации по национальному или политическому признаку под видом управления рисками.

Академии и исследовательским центрам

Университетам, *think tank*'ам и специализированным исследовательским центрам необходимо последовательно развивать *Smart Regulation* как самостоятельное междисциплинарное направление, объединяющее международное право, экономику, политологию, цифровую безопасность, криминологию, *data science* и этику ИИ. Это требует разработки учебных программ, исследовательских проектов и аналитических методик, которые учитывали бы комплексную природу новых регуляторных инструментов и их влияние на государства, бизнес и отдельных лиц.

Критически важной задачей становится формирование устойчивых баз данных: санкционных и экспортно-контрольных кейсов, примеров *Interpol/AML*/санкционных злоупотреблений, решений национальных и международных судов, практики регуляторов в сфере цифровой экономики и криптоактивов. Такие базы должны быть пригодны как для юридического анализа, так и для машинного обучения и количественных исследований, позволяя верифицировать гипотезы о связи между *Smart Regulation*, правами человека, устойчивостью финансовых рынков и политизацией правоприменения.

Наконец, академическое сообщество должно активно развивать междисциплинарные исследования, соединяющие юридический анализ с эмпирическими данными и цифровой аналитикой. Это включает: моделирование последствий различных регуляторных сценариев для международной торговли и прав человека, оценку влияния алгоритмических систем на доступ к правосудию и финансам, сравнительный анализ подходов разных регионов к *Smart Regulation*. Именно такой тип исследований способен обеспечить международные институты и регуляторов доказательной базой при

разработке реформ, а также служить контрбалансом возможной избыточной репрессивности или политизации новой глобальной нормативности.

9. Заключение

Переход к Smart Regulation представляет собой не просто обновление международного права — это смена парадигмы, в которой право перестаёт быть реакционным механизмом и превращается в активный инструмент глобального управления. Международная нормативность становится быстрее, технологичнее, многослойнее, основанной не на декларациях и прецедентах прошлого, а на данных, алгоритмах, санкционных фильтрах, экспортных матрицах и управлении рисками в режиме реального времени.

Эта трансформация размывает границы между международным публичным правом, частным регулированием, корпоративной ответственностью, цифровой безопасностью и финансовым контролем. Санкции больше не являются исключительно политическим инструментом — они становятся архитектурным каркасом, вокруг которого строится регулирование торговли, криптовалют, экспортных технологий, цепочек поставок и транснациональных транзакций. Экспортный контроль, AML/CFT, MiCA, AI Act, DORA и NIS2 функционируют как взаимосвязанные модули единой системы, генерирующей новые требования к государствам, корпорациям и физическим лицам.

В результате Smart Regulation формирует принципиально новую правовую реальность:

- государства теряют монополию на нормотворчество — регулятивными субъектами становятся также наднациональные структуры, частные платформы, финансовые регуляторы и даже алгоритмы анализа транзакций;
- верховенство права приобретает цифровую природу — цифровые следы, автоматизированный мониторинг и аналитика данных становятся не доказательствами, а элементами самой правовой структуры;
- санкции, контроль цепочек поставок и крипторегулирование превращаются в ядро международной безопасности, где соблюдение норм подтверждается не дипломатией, а технической возможностью проведения транзакции;
- защита прав человека должна эволюционировать синхронно с регуляторными механизмами, иначе цифровая юрисдикция станет сильнее гуманитарной.

Таким образом, новая эпоха Smart Regulation — это пространство, где международное право впервые в истории становится кибер-финансовой архитектурой. Не текстом, а кодом. Не простым ограничителем, а операционной системой глобального управления.

Доклад ARGA Observatory закладывает теоретическую и аналитическую основу для дальнейшего исследования этой системы, определяя ключевые узлы трансформации, риски для прав человека и международной экономики, а также направления будущих реформ. В новом мире выигрывают те государства и институты, которые умеют мыслить данными, регулировать инфраструктуры, а не события, и строить право, способное работать синхронно со скоростью цифровой эпохи.

Источники

1. EU Sanctions Map, <https://sanctionsmap.eu/#/main>.
2. European Commission, Overview of sanctions and related resources, https://finance.ec.europa.eu/eu-and-world/sanctions-restrictive-measures/overview-sanctions-and-related-resources_en.
3. EUR-Lex, Dual-use export controls, <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/dual-use-export-controls.html>.
4. BIS, Export Administration Regulations, <https://www.bis.gov/regulations/ear>.
5. Wassenaar Arrangement, Arrangement on Export Controls for Conventional Arms and Dual-Use Goods and Technologies, 1996, https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/int_exp_regs_part3_5_e.pdf.
6. OECD, Regulatory Policy and Governance, 25 October 2011, https://www.oecd.org/en/publications/regulatory-policy-and-governance_9789264116573-en.html.
7. Edmont Group, Principles for information exchange between financial intelligence units, July 2025, <https://egmontgroup.org/wp-content/uploads/2022/07/EG-Principles-for-Information-Exchange-Revised-July-2025.pdf>.
8. Atlantic Council, John Forrer, Economic Sanctions, June 2017, https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2017/06/Economic_Sanctions_web_0614.pdf.
9. OECD, Due Diligence Guidance for Responsible Supply Chains of Minerals from Conflict-Affected and High-Risk Areas, Third Edition, 6 April 2016, https://www.oecd.org/en/publications/oecd-due-diligence-guidance-for-responsible-supply-chains-of-minerals-from-conflict-affected-and-high-risk-areas_9789264252479-en.html.
10. Henry Farrell, Abraham L. Newman, Weaponized Interdependence : How Global Economic Networks Shape State Coercion, 01 July 2019, <https://direct.mit.edu/isec/article/44/1/42/12237/Weaponized-Interdependence-How-Global-Economic>.